

Екатерина Мордвинцева

**УСПОКОИТЕЛЬНЫЙ СБОР.
МЕЛИСА ДЛЯ ХИТРОГО ЛИСА**

УДК 82-3
ББК 84-4
М79

М79 **Мордвинцева Е.**
Успокоительный сбор. Мелиса для хитрого лиса / Екатерина Мордвинцева –
М.: Литнет, 2026. – 216 с.

ISBN 978-5-524-00472-7

Парковка — моя стихия. Особенно если врезаться в чужой «Майбах». Теперь я живу в особняке злого гения, мою полы и варю пашот. Но когда на дом нападают конкуренты, я беру пистолет и притворяюсь его племянницей из Европы. Лис, похоже, ещё не понял, кто тут главный.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436 - ФЗ.

ISBN 978-5-524-00472-7

© Литнет, 2026
© Е. Мордвинцева, 2026

Пролог

Чайник закипел ровно в тот момент, когда я в последний раз проверила права.

Я замерла над раковиной с кружкой в руке, прислушиваясь к этому низкому, утробному гулу, который постепенно переходил в свист. На кухне пахло мятой и – почему-то всегда – старыми деревянными шкафами, которые моя мама когда-то перекрасила в противный салатовый цвет.

«Бодрит», – говорила она. Я думала иначе: салатовый – цвет школьной доски, на которой учительница рисовала мелом схемы падежей.

Схемы мне никогда не помогали. А вот чай – да.

Я отключила плиту, залила кипятком пакетик с мелиссой и уставилась на пластиковую карточку, лежащую на подоконнике. Водительское удостоверение. Моё. С моей фотографией – неудачной, как и все остальные, потому что я не умею улыбаться в камеру без того, чтобы не выглядеть перепуганным хомяком. Но главное было не в улыбке. Главное – большая красная буква на обложке моей старой ученической карты сменилась на синюю, и на ней было написано: «Водительское удостоверение РФ».

Я взяла карточку в руки. Пластик был прохладным и скользким, как рыба чешуя. Я повернула её к свету – голограмма переливалась, будто подмигивала мне.

– Чудо, – прошептала я и тут же рассмеялась собственному голосу, сорвавшемуся на фальцет.

Чудо. Потому что ещё три недели назад я была уверена, что провалю экзамен в четвёртый раз.

Четвёртый раз, Карл. Моя подруга Ленка получила права с первой попытки, села в папину «Тойоту» и уехала в сторону моря, даже не моргнув. Я же после каждой неудачной сдачи возвращалась

домой, пила чай с мелиссой (успокаиваться) и убеждала себя, что мне не нужна эта дурацкая корочка. Можно жить на такси. Или на автобусах. Или вообще никуда не ездить – сидеть в своей комнате, читать детективы и строить планы на жизнь, которая никогда не сдвинется с мёртвой точки.

Но потом случилось кое-что. Точнее, кто-то.

Я отхлебнула чай. Мелисса обожгла язык, но следом пришло то самое успокоение – мягкое, травяное, почти материнское. Мама не пила мелиссу. Она любила чёрный чай с бергамотом, заваривая его так крепко, что ложка стояла. Мама была крепкой. Она работала бухгалтером в какой-то мелкой конторе, развелась с отцом, когда мне было двенадцать, и с тех пор не позволяла себе ни минуты слабости.

Я – позволяла. И мелисса была моим тихим бунтом против её «возьми себя в руки».

– Алиса! – донеслось из коридора. – Ты выходишь или будешь полдня чай гонять?

Мамин голос. Прямой, как линейка.

Я вздохнула и сунула права в карман джинсов.

– Выхожу!

– У тебя смена через час. Не опаздывай, Саныч сегодня злой, – предупредила она, и я услышала, как хлопнула дверь ванной.

Саныч – это мой начальник в кафе «Уют», которое находится на первом этаже бизнес-центра. Название, кстати, абсолютно не соответствовало реальности. «Уют» представлял собой тесное помещение с пластиковыми стульями, вечно заляпанными кетчупом, и меню, которое не менялось с 2015 года. Саныч – мужчина пятидесяти с лишним лет с вечно красным носом и привычкой проверять качество уборки белым носовым платком. Если платок становился серым – он вычитал из зарплаты пятьсот рублей.

Я ненавидела эту работу.

Но она кормила меня – точнее, кормила мою копилку. Ту самую,

жестяную, в виде кота, с отклеившимися усами, куда я складывала чаевые и проценты от зарплаты. Копилка стояла на полке над кроватью и скалилась своей щелястой улыбкой. В ней лежало что-то около сорока тысяч – смешные деньги для кого-то, но для меня целое состояние. Я копила на курсы английского при университете.

Да, я ещё училась.

Двадцатый год, второй курс филологического, вечернее отделение. Днём – работа, вечером – пары, ночью – домашние задания и сон по четыре часа в сутки. Иногда мне казалось, что я белка в колесе, только колесо это ведёт в никуда. Зачем мне филология, если я не собираюсь быть учителем? Зачем мне английский, если я боюсь вылететь за пределы своего района?

Ответ был прост: чтобы не кончить как мама. Сидеть с чужими счетами до шестидесяти и мечтать о том, как съездить в Питер, но откладывать поездку вечно.

Я не хотела быть мамой.

Я хотела быть кем-то. Кем-то, кто садится в машину и едет, куда хочет. Кто не боится, что бензин кончится быстрее, чем зарплата. Кто смотрит на дорогу и видит не только разметку, но и горизонт.

Поэтому я и купила этот «Фольксваген».

Старый, уже почти антикварный, с облезшим лаком на капоте и пассажирским сиденьем, которое вечно запрокидывалось назад, если на него надавить. Салон пах пылью и, как ни странно, яблоками – предыдущая хозяйка, бабушка с соседней улицы, возила в багажнике урожай. В бардачке до сих пор лежала её старая карта города, которую я берегла как талисман.

Я назвала его Фрицем. Потому что он немец, и потому что у него характер. Фриц не заводился с первого раза, требовал, чтобы его прогревали хотя бы пять минут, и категорически отказывался включать вторую передачу, если на улице было холодно.

Сегодня было не холодно. Сентябрь выдался золотым – тёплым, сухим, с запахом прелых листьев и последних яблок. Идеальный

день для того, чтобы впервые после получения прав выехать за рулём одной.

Без инструктора. Без мамы. Без Ленки, которая сидела бы справа и верещала: «Алиса, ты куда? Там же знак!»

Только я, Фриц и пустая дорога. Ну, не совсем пустая – мы живём не в деревне. Но предвкушение свободы было таким острым, что у меня свело живот.

Я надела куртку, засунула ноги в кеды (потёртые, но любимые) и вышла. Мама стояла в прихожей с сумкой в руках.

– Поздно, – сказала она, даже не глядя на часы. – Уже без четверти.

– Успею, – ответила я, хотя сердце ёкнуло.

– На твоём Фольксвагене? – она усмехнулась. – Он же на повороте заглохнет.

– Не заглохнет, – буркнула я, застёгивая молнию. – Я его кормила хорошим бензином.

Мама покачала головой. Ей не нравилась моя идея с покупкой машины.

«Куда тебе, Алиса? Ты и автобус-то не всегда успеваешь». Но я отбила этот аргумент тем, что на такси дороже, а автобусы ходят раз в сорок минут. А с Фрицем я могу сама планировать время.

Теоретически.

Практически – я ещё ни разу не ездила одна. После экзаменов прошла всего неделя, и всё это время машина стояла во дворе, накренившись на левое колесо (там была небольшая яма, которую я засыпала гравием, но гравий разъехался). Я иногда садилась в неё, включала зажигание и просто сидела, сжимая руль, прокручивая в голове порядок действий.

Включить передачу. Выжать сцепление. Плавно нажать газ. Не глохни, Фриц. Пожалуйста, не глохни.

Мама чмокнула меня в щёку – сухо, машинально.

– Не разбейся, – сказала она и ушла. Я перевела дух и вышла во двор.

Наш дом – типичная пятиэтажка спального района, серый бетон, облупившиеся подъезды и вечно занятые детские площадки. Но сегодня двор казался другим. Светило солнце, и в его лучах даже ржавые качели выглядели почти романтично.

Фриц стоял на своём месте, как верный пёс. Я обошла его вокруг, проверила фары (работают), зеркала (заляпаны птицами) и давление в шинах (одну шину я подкачала насосом на прошлой неделе). Всё было в порядке. Насколько это возможно для машины двадцатилетней давности.

Я открыла дверь. Заскрипело – давно пора смазать петли, но руки не доходили. Сев на водительское сиденье, я глубоко вдохнула и закрыла глаза.

«Ты справишься, – сказала я себе. – Ты справишься».

Страх пришёл не сразу. Сначала была эйфория – лёгкая, щекочущая, как шампанское. Я сдала экзамен! Четвертый раз – и сдала! Инспектор, дядька с прокуренными усами, буркнул: «Ну наконец-то», и поставил подпись.

Инструктор Дмитрич похлопал меня по плечу и сказал: «Я в тебя верил, дочка». Я тогда чуть не разревелась от облегчения.

После трёх провалов – по одному разу на каждом этапе – я была уверена, что никогда не получу эту дурацкую карточку. Первый раз заглохла на подъёме. Второй – не уступила дорогу пешеходу. Третий, самый обидный – задела конус при параллельной парковке, хотя до этого идеально всё сделала.

Третий раз я рыдала прямо в машине, уткнувшись в руль. Дмитрич молчал и давал мне салфетки.

Потом я взяла себя в руки, записалась на дополнительные занятия, купила себе новые кеды (для удачи) и каждое утро пила чай с мелисой, визуализируя, как легко выжимаю сцепление.

И это сработало.

Или нет? Может, просто повезло. Может, инспектору надоело видеть моё испуганное лицо четвёртый раз подряд, и он решил сжалиться.

Я открыла глаза.

Вставить ключ. Повернуть. Фриц чихнул, взревел и завёлся – с третьего раза, но завёлся. Я погладила панель приборов.

– Хороший мальчик, – сказала я.

Стрелка топлива показывала чуть ниже половины. Хватит, чтобы доехать до работы и обратно. И даже останется, чтобы прокатиться вечером.

Я выжала сцепление, включила первую передачу – тугое, с хрустом, но включила. Плавно отпустила педаль, одновременно нажимая на газ.

Фриц дёрнулся и поехал.

– О боже, – прошептала я, когда мы выехали со двора на придомовую дорогу. – О боже-боже-боже.

Руки тряслись. Колени тоже. Я вцепилась в руль так, что побелели костяшки.

Главное – не плохнуть. Главное – смотреть в зеркала. Главное – не паниковать.

Машина сзади – нет, не машина, велосипедист. Пропустить. Стоп-знак – нет, стоп линия. Притормозить. Сцепление в пол, нейтралка, ручник – нет, ручник не надо, я же не на экзамене.

Господи, как они это делают? Как люди просто садятся и едут, будто это так же естественно, как дышать?

Я выехала на главную дорогу. Впереди – светофор. Красный. Я остановилась, чуть не заглохнув от резкого торможения.

– Прости, Фриц, – виновато сказала я.

Из динамиков (один, левый, правый не работал) заиграло радио. Я его не включала – сам включился. Старая привычка машины, просыпаться вместе с зажиганием и искать волну.

Шла какая-то песня про любовь. Я не слушала. Я смотрела на пешеходов, переходящих дорогу, и думала: они даже не знают, что я здесь новичок. Они видят обычную машину, обычную девушку за рулём. Никто не догадывается, что у меня внутри маленькое землетрясение.

Зелёный. Я поехала.

Постепенно страх начал уходить. Руки расслабились, спина перестала быть струной. Я даже начала получать удовольствие – от того, как колёса шуршат по асфальту, как солнце бьёт в стекло, как город проплывает мимо.

Я – за рулём. Я еду сама. Свобода.

Она была именно такой, как я представляла: терпкой, пьянящей, огромной. Не той свободой, о которой пишут в книгах – побег, приключения, смена обстановки. А простой, бытовой свободой: я могу выбрать маршрут, остановиться там, где захочу, не ждать автобус под дождём.

Я могу забрать Ленку с другого конца города просто потому, что мне не лень.

Могу съездить на озеро, за город, туда, где мы купались в детстве. Могу.

Это короткое слово весило тонну.

На светофоре я поймала свой взгляд в зеркале заднего вида. Щёки покраснелись, глаза блестят. Я выглядела почти счастливой.

– Слушай, – обратилась я к Фрицу, – а может, мы сегодня после смены не домой, а куда-нибудь ещё? Просто покатаемся? Ты не против?

Фриц не ответил, но и не заглох. Я сочла это за согласие.

Дорога до бизнес-центра занимала обычно пятнадцать минут на автобусе, на машине – около десяти, если без пробок. Сегодня пробок не было – середина дня, все на работе. Я почти расслабилась, даже начала подпевать радио, когда вдруг заметила, что стрелка температуры двигателя подползла к красной зоне.

– Что за... – я перевела взгляд с приборов на дорогу и обратно. Фриц чихнул. Потом ещё раз. И заглох.

Прямо посреди дороги.

– Нет-нет-нет-нет, – забормотала я, поворачивая ключ. Фриц всхлипнул, но не завёлся. – Только не сейчас, пожалуйста! Мы же договорились!

Сзади засигналили. Я опустила стекло и выставила руку – извините, мол, аварийка. Аварийку я тоже включила, забыв, что надо сначала проверить, работает ли она. Работала. Моргала жалобно, как светлячок в темноте.

Машины объезжали меня, водители крутили пальцем у виска. Я сидела с пылающим лицом и пыталась снова и снова завести Фрица.

И на пятый раз – он завёлся.

– Слава богу, – выдохнула я и, забыв про все правила, резко дала газ.

Машина дёрнулась, и я поехала дальше, молясь, чтобы этот приступ был единственным.

Больше Фриц не глох. Он вёл себя образцово-показательно, будто извиняясь за свою выходку. К моменту, когда я припарковалась у бизнес-центра (параллельная парковка! сама! почти идеально!), я уже снова улыбалась.

– Я тебя прощаю, – сказала я, выключая зажигание. – Но если ты ещё раз такое выкинешь, я заставлю тебя мыть мотор. Фриц молчал, но я чувствовала – ему стыдно.

Я вышла из машины, заперла дверь (брелок не работал, пришлось ключом) и направилась к чёрному входу кафе. Смена начиналась через десять минут – я успевала.

По пути заскочила в супермаркет, купила пачку своего любимого чая с мелиссой (домашние запасы кончались) и кинула пакетик в сумку.

Работа была обычной. Посетители – тоже. Я разносила заказы, улыбалась, желала приятного аппетита. Мыла стойку, меняла салфетки, слушала, как Саныч орёт на повара за подгоревшие крутоны.

– Алиса! – рявкнул он, когда я проходила мимо. – Столик шесть – двойной эспresso и круассан с шоколадом. Быстро!

– Бегу, – отозвалась я.

Ноги гудели. После четырёх часов на ногах они напоминали два свинцовых бруска. Но я знала: через два часа смена закончит-